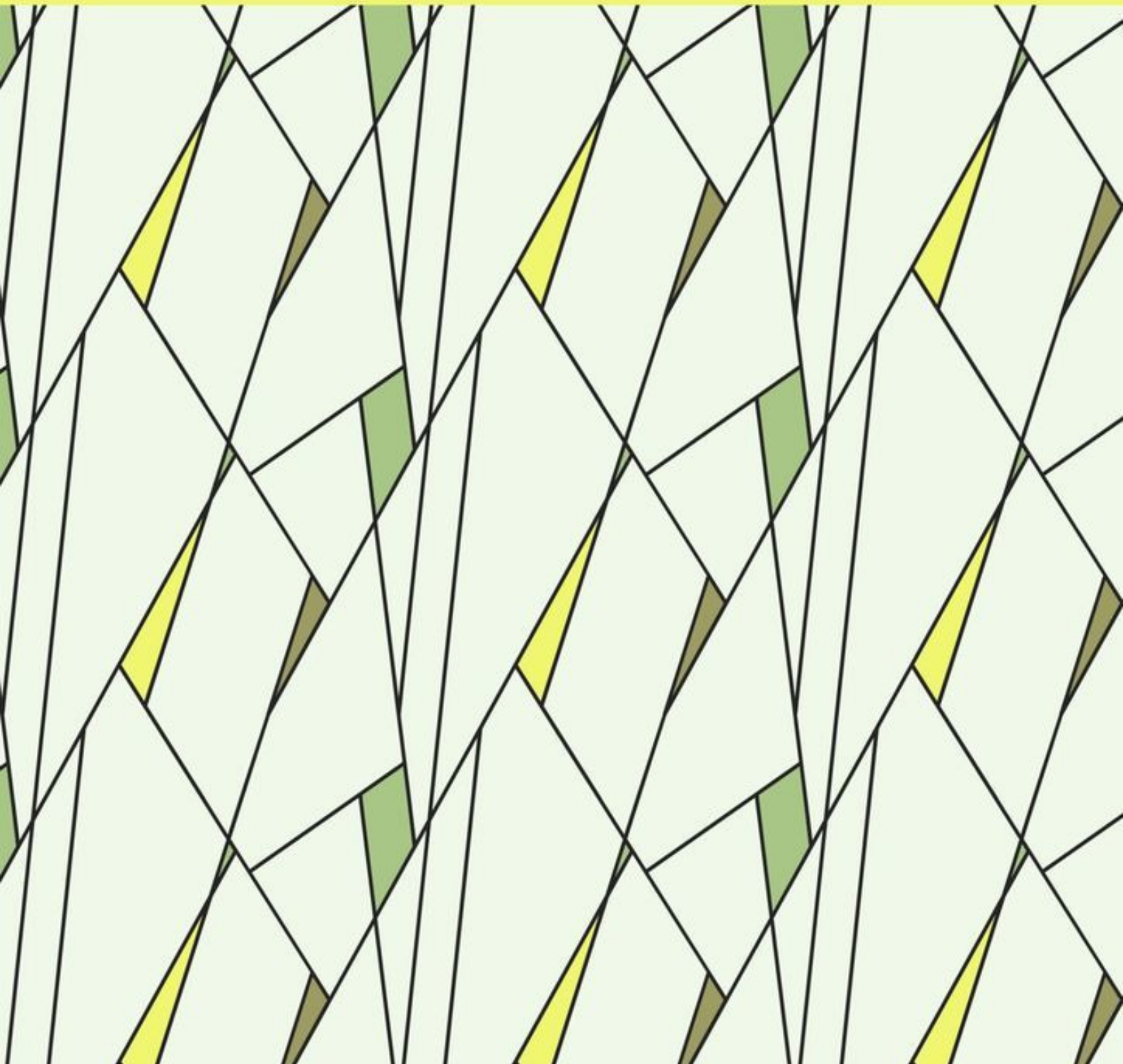

18+

Левсет Дарчев

Хирург: последняя надежда

Левсет Дарчев

Хирург: последняя надежда

«Издательские решения»

Дарчев Л.

Хирург: последняя надежда / Л. Дарчев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516514-5

О хирурге, который прошел путь от сельского мальчика до члена-корреспондента Академии наук по медицине и ушел из жизни на пике карьеры, оставив большое научно-практическое наследие.

ISBN 978-5-00-516514-5

© Дарчев Л.
© Издательские решения

Содержание

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ. ТРЕВОЖНОЕ УТРО	7
ИНТЕРВЬЮ	11
ПО ДОРОГЕ НА РАБОТУ	16
ЧАСТЬ»	19
ФЕЛЬДШЕР	22
ПРАКТИКА В АНДРЕЙАУЛЕ	23
МЕДИНСТИТУТ	26
СПРАВКА: ВОЙНА. ЭВАКОГОСПИТАЛИ	28
ВОЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ в гостинице Дагестан	31
ССОРА	33
КРОВОТЕЧЕНИЕ	36
МУКДЕН	38
ТИХИЙ БОЛЬНОЙ	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

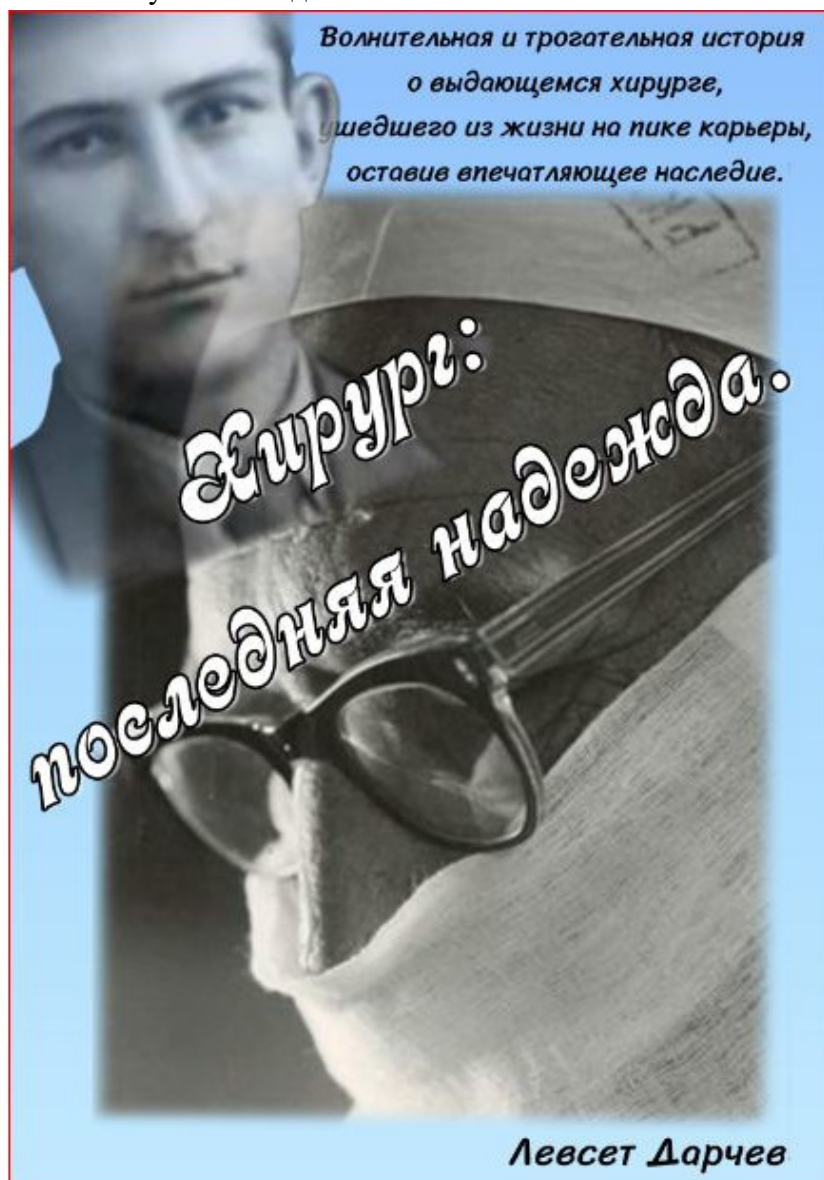
Хирург: последняя надежда

Левсет Дарчев

© Левсет Дарчев, 2020

ISBN 978-5-0051-6514-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Левсет Дарчев

Родился в ТАБАСАРАНЕ

ВЫПУСКНИК УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ

ИМ. Т. ЛУМУМБЫ, ИНЖЕНЕР, ПЕРЕВОДЧИК

С АНГЛИЙСКОГО, АРАБСКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ

Автор:

Обожженные "Бураном".

"Афганец": Оставшийся в прошлом

НАДЕЖДА И РАЗОЧЕРОВАНИЕ.

И ГРЕХ И СМЕХ.

МОЛЧАНИЕ ОРЛОВ.

И ДРУГИЕ...

ЧАСТЬ 1

В жизни главное не годы, а содержание

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ. ТРЕВОЖНОЕ УТРО

Она открыла окно и холодный ноябрьский воздух ворвался в комнату. Лучи тусклого солнца, пробираясь сквозь облака, нарисовали остrokонечную длинную геометрическую фигуру вдоль горизонта Каспийского моря.

С течением времени солнце становилось все ярче и меньше. Наида с минуту постояла возле окна, желая глубже созерцать превращение тьмы в свет. День в день миллионы лет строго по графику. Откуда берется столько энергии, чтобы крутить и вертеть огромные планеты и бесконечные пространства. А я кто? Пылинка с четырьмя детьми и мужем, которые еще спят и досматривают свои сладкие детские сны? Они проснутся и усыпят меня вопросами, которым не всегда есть ответ.

Наида послушала- предрассветная тишина: город еще спит, ни гула машин, мчащихся к центральной площади, ни шума дворовой детворы, из которого она запросто могла различать звонкие выкрики своих детей, особенного маленького Гамида. Он уже задавал мне вопрос, почему солнце утром большое и красное, потом становится маленьким и таким ярким, что ослепляет глаза. Я не смогла ответить- вмещался его отец и долго объяснял про преломление света и что лучи Солнца не сразу доходят до Земли. Гамид, молча, кивал головой, потом проронил:

– Да, я понял, папа. Иногда я тоже бываю как солнце

– Это как, малыш? – спрашивает отец.

– Когда я прячусь от мамы и долго не выхожу, она кричит: «Солнышко мое, ты где?» и я выхожу на свет.

– А где ты прячешься?

Гамид призадумался: он не решался выдать свой секрет.

– А маме не скажешь?

– Нет, конечно. Мужчины должны уметь хранить свою тайну.

Гамид улыбнулся. Он подошел поближе к отцу и прошептал на ухо:

– Под столом.

Рашид долго смеялся всем своим басом, хватая пальцами за пухлую щечку и потягиваясь, чтобы приложить губы к продолжению своей плоти.

– Хорошо, малыш. Я обещаю не выдать твою тайну, даже когда ты станешь большим.

Сегодня она встала чуть раньше. На то есть причина- день рождения мужа: придут гости, родственники и друзья. Прошел час, и она успела сварить кашу, заварить чай, сварить яйца и приступила к салатам на торжество.

Сзади скрипнула дверь кухни. И вот он, его величество – Рашид в спортивных брюках синего цвета, голым торсом с полотенцем, перекинутым через плечо. Он встал в проеме двери с зажмуренными, все еще сонными глазами.

– Привет, Найка, – буркнул он с виноватым оттенком.– И где я?

Наида отвернулась от газовой плитки и опустила руки.

– Доброе утро, – произнесла Наида с тонкой иронией в голосе.– Ты хоть помнишь, во сколько ты вчера вернулся домой?

– Не-а, – выдохнул Рашид, отнимая руку от дверной рамки.– Еще раз такая охота и я умру...

– Ты тратишь себя без жалости, – сказала Наида.– Тебе надо остановиться.

– Ничего не поделаешь, милая, – сказал Рашид.– Работа такая. Выходит, я сам себе враг. Сколько время?

– Вон, посмотри- часы на стене за спиной. Увидел? Половина седьмого. Сейчас побежишь на море и без завтрака на работу.

– Нет, нет, – отрезал Рашид.– С сегодняшнего дня я меняюсь – у меня будет строгий режим питания и отдыха.

Зазвонил телефон. Рашид покосился. Он знал, кто это может быть: Шихсаид или Айгум. Он почесал щеку и решил не отвечать.

– Ты возьмешь трубку? – спросила Наида, указывая кивком головы на аппарат.– Может, с работы.

– Нет, это Айгум

.-Откуда ты знаешь?

– Не веришь?! – Рашид потянулся, снял трубку и сходу прорычал:– Ало, какого черта ты меня будишь в такую рань?

– Ох! – Рашид, я не успел голоса подать, а ты узнал, что это я. Как...

– У меня нет других знакомых, которые могут бесцеремонно разбудить меня так рано. Что случилось?

– Анекдот свежий. Хочешь?

Рашид поднял глаза на жену

– Да, пошел ты! – рявкнул Рашид.– Если выходишь, выходи, а то я побегу на море без тебя.– Он бросил трубку на рычаг и лукавой улыбкой уставился на жену, одной рукой выдергивая телефонную вилку из розетки.– Лучше выключить. Сейчас телефон нагреется от звонков. Детей разбудит.

– И вправду, как ты узнал, кто звонит? – спросила Наида, расслабляясь.

– Чутье охотника, – проговорил Рашид, приближаясь к жене. Он подставил щеку.– Поздравь меня еще раз, – сказал он.

Наида чмокнула.

– Поздравляю.

– Спасибо. Принимаю. А какой сегодня год? Вот черт- моя голова. На твой день рождения я отвезу тебя в Нью-Йорк.

– Не хочу. Я там была.

– Тогда в Токио.

– Я там тоже была.

– И куда ты хочешь, милая?

– Тихо. Детей разбудишь.

– Вау! Почему они так долго спят?

– Как они встанут, если до 11 ночи они ждали тебя? У них были планы на день рожденья папы. А его нет.

– Ничего страшного – в их возрасте я не знал, что такое «день рождения», – Рашид изменился в лице, его черты напряглись.– Мне приснился отец – не знаю, к чему это. Его палец. Боль.– Рашид опустил на стул, засутулился и уставился в угол. Наида посмотрела на его лицо. Карие глаза спрятались под ровными арками бровей. Он был двояким, раздвоенным: один – открытый, заботливый, веселый дома, другой – серьезный, жесткий, безжалостный на работе. Его боялись и уважали.

– Как он приснился? – спросила Наида, зная, что он часто просыпается от чувств, что забыл сделать нечто важное.

– Забыл, – буркнул Рашид, Он тяжело поднялся и направился в душевую. Его взгляд застыл на зеркале, где видел свое отражение. Что изменилось? Морщины в уголках глаз, складка от крыльев носа ко рту. Он провел рукой по щетине. Можно не бриться? Нет: слишком красноречивый аргумент на язык недругов в коллективе. Ладно, не буду думать. Он взял

в руку зубную щетку, задержал руку, потом передумал – лучше сначала побриться, затем уже скоблить кожу, чтобы казаться свежим.

«Как он мне приснился? Он говорил: «Забери мою боль». К чему это? Он вернулся на кухню. Наида продолжала утреннюю стряпню, итак каждый день. Интересно, она не устает. А если спросить ее об этом и она ответит, что устает. Что я смогу предложить ей? Помогать по кухне, надев передник. Нет. Мне плохо оттого, что она у меня в голове чаще, чем наяву. Она стала частью моей жизни, обладает высоким чувством собственного достоинства, дочь первого министра просвещения.

– Как дела у детей в школе? – спросил Рашид

Наида задумалась, задержав вилку в воздухе.

– Все нормально. Меджид —лучший в классе. У него все хорошо с естественными науками. Эмина в одной паре- ей ничего не угрожает: подтянулась и исправила свои четверки по русскому и математике. А Тамара,..-Наида запнулась и засмеялась.

– Что с ней?

– Вчера, представляешь, что она мне заявила- начала Наида.– Сумку собрала в школу, сидит и плачет. Спрашиваю: «Что случилось?» Отвечает: «Я не смогла решить задачу». Почему, что она такая сложная? – спрашиваю. Говорит: «Не знаю. Я не смотрела»

– Вот хитрюга, – сказал Рашид. – А Гамид?

– Портится с каждым днем. В садике – лидер, во дворе – лидер, дома тоже. Вчера порвал тетради Тамары, размазал чернилами дневник Эммы и косо смотрит на портфель Меджида.

Рашид издал короткий смешок, потом загрустил.

– На море, наверное, не пойду.

– Почему?

– Хандра напала. Хочу уединиться, – он сел на табуретку за столом, вжавшись в угол, – сделай, пожалуйста, свежий чай с лимоном и мятой.

– Черный или зеленый?

Рашид покатил голову по стене направо, продолжая думать, что лучше: чай зеленый или черный. Зеленый борется против вредного холестерина, укрепляет стенки сосудов и защищает легкие от вредных смол и никотина. Это по моей части

– Зеленый.

– А почему не черный? Он мне больше нравится. Кофеин способствует концентрации внимания и улучшает настроение. Ты говорил.

– Он мне не поможет. Он опасен людям с легко возбудимой психикой. К тому же, дорогая, он вымывает магний, ослабляя сердце.

– Как скажешь. Тебе виднее. Кто на что учился.

Рашид оставил свой взгляд на обоях, поймав одну точку. Он вгляделся в орнамент и нарисовал себе образ человека с рогами и большими глазами. Он закрыл глаза и снова открыл – рисунок исчез: просто плетеные линии. Он наклонил голову, чтобы нарваться на прежний рисунок.

Наида, заметив движения его головы, спросила:

– Ты что там видишь?

– Так, мои мысли о прошлом, – произнес Рашид.– думаю, зачем я стал врачом, а не инженером, учителем. Вместе ходили бы в школу туда и обратно и никаких забот. Я взвалил на себя очень тяжелую ношу. Люди хорошие, люди плохие, больные, нервные...

– Вчера тебя показывали по телевизору.

– Да, ты смотрела?

– Конечно. Видел бы ты твоих детей, как они гордились, кричали. «Мой папа». Вы вели себя слишком развязно и устроили балаган на всю республику. И что там делал Айгум?

– Группа поддержки, – сказал Рашид. – Зато ты видела, как красиво получилось. Как эмоционально, нарушили шаблоны и принятые нормы. Передача должна быть привлекательной. Знаешь, сколько звонков было и корреспондент Комиссаров доволен. Без Айгума никуда: этот человек мой друг.

ИНТЕРВЬЮ

Вдруг Наида поджала губу и задержала взгляд на знакомом профиле человека, который сделал себя сам: известный хирург, в 35 лет ставшим доктором наук, профессором. Два Рашида: один домашний с раскрытым, доступным, общительным, другой – служебный с жестким характером и беспощадным руководителем здравоохранения, закрытый со своими принципами и деловыми качествами организатора. Но главное в нем – это хирург. Перед ее глазами всплыл его вчерашнее интервью республиканскому телевидению.

Корреспондент с довольной улыбкой на лице и планшетом в руке:

– Дорогие друзья, я хочу представить вам всеми уважаемого известного хирурга Рашида Аскерханова. Он завтра, 20 ноября, отмечает свой день рождения. Давайте спросим, как он добился всего, чего добился. Может, получится раскусить его и узнать о его жите-бытье. Если понравится, то многие пойдут по его стопам в хирургию.

– А интересно быть хирургом, Рашид Пашаевич и с какой профессией вы могли бы сравнить профессию хирурга?

– Извечный вопрос и банальный ответ: сапера, – не задумываясь, ответил Рашид. – У нас просто последствия ошибок одинаковые- человек может погибнуть. Хотя, надо признать, есть небольшая разница: некоторые люди не захотят жить после ошибки хирурга

– Вы кто, прежде всего: хирург или учитель?

– Прежде всего, я человек, такой же, как все. Я люблю вкусно поесть и хорошенько поспать.

– Получается? Не жалуетесь?

– Жалуюсь. Поспать не получается никогда, и это уже прямое свойство профессии хирурга: недосыпание преследует всю жизнь. А на счет поесть мешает первое- занятость. Круг замкнулся.

«Он беспощадно тратит себя, – подумала Наида, сидя перед телевизором. – Работа, друзья. Работа, работа и в последнее время прибавилась охота. Работа его изматывает: он мечтает выспаться, потому что из 32 часовой смены на сон он сможет потратить часа два, три. Иногда он «живет» в больнице из-за непредвиденных ситуаций без стабильных выходных. Повседневный стресс, глубокая ответственность за больных, контроль ошибки персонала слаженность его работы и жизнь на грани человеческих возможностей. Может ли он быть другим? Нет, не может. «Чем бездельничать час, я предпочитаю находиться в операционной два».

– Вопрос на счет отдыха, я вижу, сам по себе отпадает.

– Не совсем так: у меня, получается, соединить профессиональную занятость с отдыхом в одном месте, и это место – моя дача.

– У вас есть принципы, которые можно нарушить.

– Если вы привыкли ездить на работу на машине, это не значит, что не нужно идти на работу пешком, если сломалась ваша машина.

– Понятно. Вы долго держите обиду на человека, если он чем-то провинился?

– Нет, – задумался, – вообще-то у этого вопроса много граней. Если такое обстоятельство есть на работе, то никак: обидам или другим гуманным чувствам не должно быть места – только работа хирурга.

– А в быту?

– А в быту, – задумался, глядя по сторонам, – на жену что ли? Никогда. Потому что, это мне невыгодно.

– Для вас существуют проблемы, которые не можете решить сам?

– Для меня проблема это когда человек не может встать с кровати или дотянуться до стакана воды. Остальное все- это надуманное самим человеком: деньги, богатство, авторитет.

Корреспондент:

– Что вы испытываете, когда берете нож в руки и начинаете резать мясо?

– У меня давно стерлись ассоциации сравнения мяса, крови, человеческой плоти. Я запретил себе всякие переживания о тех вещах, которые составляют мою профессиональную принадлежность. Я могу держать на руках сердце также как и стакан воды, нисколько не думая, что в одном человеческая жизнь, а в другом вода. Очерствение. Но! Есть огромная разница: воду я просто могу выпить, а сердцем посложнее – там за операционным столом я чувствую, что превращаюсь в машину со всем моим опытом и знаниями, интуицией который со скальпелем становится против смерти и чужой боли. В это время, хоть земля перевернется я – воин без сантиментов: главное победа. Что касается сравнения, то скажу вам так: резать может любой, а хирургия начинается потом.

– Можете рассказать самый запомнившийся случай из вашей практики хирурга?

Рашид задумался, и наступила короткая пауза..

– Вас не затошнит?

– Нет.

– Это было в военном госпитале в войну. Я ассистировал хирургу, когда, как нам показалось, успешно провели операцию офицеру на брюшной полости. Но через день после операции нас подняли по тревоге. Оказалось: после приступа кашля у пациента разошлись швы и кишки вывалились наружу...

– Все, все, – журналист выставил руку вперед.– Понятно, а то точно затошнит.

– Я предупреждал вас. Тогда приведу другой случай. Я на заре практики хирурга оперировал молодого парня двадцати двух лет с переломом левой бедренной кости. Я допустил оплошность при сшивании сосудов и глоток кислорода попал в сердце. Пациент умер, не придя в сознание. Когда я вышел из операционной, мать парня задала мне вопрос, над которым думаю до сих пор: «Доктор, надеюсь, мой сын не будет хромать».

– Почему до сих пор?

– Потому что в ней еще жила надежда и мне так хотелось продлить в ней это состояние. Я сказал «нет». Это стало для меня большим уроком на всю жизнь, после которого я долго не мог придти в себя.

– Да, печальный случай. У вас, наверное, тогда была тонкая кожа, а со временем выработались другие качества и привычки?

– Не когда-то, а сейчас тоже она тонкая. Единственное, что я научился делать и скрывать – это насколько я расстроен и задет. Мне все равно, что люди обо мне думают, но стоит меня позвать на помощь, я тут, же приду и отзовусь. Мне не стыдно ни за что мною сделанное.

«Он никогда не сдается, – подумала Наида.– Он не убегает и верит в то, что он делает. Убедите его, что он не прав, он тут же поменяет курс, извинится и начнет действовать иначе. Он быстро принимает решения и еще быстрее меняет их, если видит, что ошибся. Так что, он уже нарастил себе толстую кожу, хотя порой бывает слишком доверчив. Это его слабость, когда он отношения с людьми начинает с доверия и порой они заканчиваются разочарованием. Но это его не останавливает, потому что его доверие имеет хитрое сплетение как капитал в своих подчиненных и коллегах. Когда приходит время или обстоятельства, он достает его как оружие. Неплохо срабатывает. У него нет страхов и комплексов, и я никогда не видела, чтобы он прибегал к успокоительным таблеткам. Он озлобляет, он же и умиротворяет, он внушает страх и вместе с тем – уверенность. Он обожает поднимать волны. А потом успокаивать их.

Люди сами потом создают о нем мифы. Его можно уговорить, но не запугать. Он научился доводить спорные вопросы до кризиса, потом одним маневром вскрывать его, обрекая противника в неуверенность.

Иногда кажется, что вместе с ним идет его аура и ею он заполняет все помещение. Выносливость и высокая работоспособность, наработанная годами – его особенность: не отстанет, пока не завершит то, что начал. Он всегда выглядит уверенным, даже тогда, когда не знает и сомневается. Многое в нем для меня остается необъяснимым, и она уверена, что для него нет ничего невозможного».

– У вас много государственных наград. Какая из них самая главная?

– Уважение людей.

– А в вашей семье кто главный: вы или жена?

Он потер нос, задумался.

– Жена, – пауза. Журналист округляет глаза. – Спокойно. Это когда меня не бывает дома.

«Он – буря, я – скала, – подумала Наида.– Когда он бушует, я безмятежна. Когда он нетерпелив, я – само терпение. Он спешит, я – нет. Он снисходительный, но суровый отец. Звучный голос, соответствующий его телосложению усугубляет чувство тревоги, которое он внушает другим, когда он злой. Он не только смотрит на собеседника, но, сколько сверлит его глазами. Даже его смех, который раздается очень часто и его любезность не помогают людям избавиться от напряженности. Если он вам предложит чай, пейте сразу. Его настойчивость бесцеремонно продолжит: черный или зеленый».

– Если бы вам предложили возможность выбора другой профессии врача, какую бы выбрали?»

– Я бы выбрал профессию ревматолога. Скучный врач, которого посетите, когда с вас будет сыпаться перхоть и вам будет безразличны последствия его лечения.

«Шутками он умеет говорить правду, – подумала Наида, – и странное дело – друзья не обижаются. Странное психологическое состояние, когда вместо человека занимает его авторитет, его хорезма».

– В газетах ваша характеристика – клише? – спрашивает журналист, – криклив, безжалостен, вульгарен, несносен, упрям.... Это что, качество хирурга?

– Неправильно пишут: я спокоен, как удав, сдержан и собран, – заявляет Рашид.– Хотя надо сказать, что хирурги сами по себе бывают, жестоки и как правило, это оправдывается хорошими результатами, что способствует росту профессионализма и дисциплины коллектива.

– У вас есть хобби?

– Нарды

«Конечно, нарды для него не только хобби, но и полное расслабление, – хотела его поправить Наида.– Айгум тут как тут: крики, ругательства и вечные споры..

– Перейдем к вашему главному призванию – человека ученого. За какое научное работу вам дали звание «Кандидата наук»?

– Это было давно, в 1948 году и называлась кандидатская диссертация, сейчас вспомню, – «Изменение костей голени при варикозном расширении вен нижних конечностей». Она целиком была посвящена проблеме лечения венозных заболеваний.

– А что сделало вас известным в научном мире?

– Я защищал мои открытия на международных конгрессах и симпозиумах. Мой доклад на первом Международном конгрессе флебологов в Париже «Некоторые вопросы патогенеза и исследования варикоза вен» вызвал в среде моих коллег резонанс и был переведен на многие языки мира. А на третьем съезде флебологов в Амстердаме я выступил уже с новым исследованием «Новая систематизация патогенеза, клиники и лечения варикоза вен». Затем было мое выступление в Швейцарии с докладом «Костные изменения при хроническом венозном стазе». С другими докладами меня слушали в Чили, Аргентине, Франции и конечно, в Москве.

– И к вам пришло мировое признание и вас можно назвать пионером в области современного изучения венозных заболеваний?

– Ну что вы! Варикоз существует столько же, сколько человечество. Его диагностировали и лечили задолго до Галена и Авиценны. В Сахаре нашли наскальный рисунок, на котором изображены танцующие люди с бинтами на ногах. Это варикоз времен пирамид и фараонов. Доказательством является мумии с признаками варикозного расширения вен и следами проведенного лечения. Хотя не было ни малейшего представления об антисептике и подобающих хирургических инструментов все равно делались отчаянные попытки проведения операций. Гален удалял тромбозы при помощи специального крючка, хотя люди умирали от заражений – не было антисептики. В лечении ног основоположником тугого бинтования был Авиценна. И в настоящее время компрессии являются неоспоримым фактором успешной реализации лечения варикоза вен. А из современников я бы отметил... Вообще –то основателем флебологии в России считается Алексей Троянов, который использовал метод перевязки и резекции подкожной вены у ее устья. Это было до революции. Потом этим до 1950 года мало кто занимался, считая вены пассивными трубками, несущие кровь. Не видели глазами, как обращается кровь в венах. Вот я и начал разрабатывать методы, которые позволили бы видеть разветвления вен и обнаруживать характер их болезни. Сеть венозных разветвлений несет кровь из мельчайших сосудов в более крупные и в сердце. Для того, чтобы увидеть поток крови в вене обычно вводили специальный раствор. Закачка контрастирующего вещества в одну вену позволяла видеть поток крови только в одной вене. Это недостаток. Я же предложил впервые в мире осуществить ввод этого вещества в губчатую отдаленную кость, что позволило заполнить всю венозную сеть. Этот метод получил название «чреспяточная флебография».

– Эта тема была вашей докторской диссертации?

– Одним словом, да. А на деле этому предшествовала многолетняя напряженная практическая и теоретическая работа, которая включила в себя тысячи исследований на животных и анатомическом материале. Благодаря этому методу, коллеги могли исследовать патологию заболевания вен и увидеть злосчастный тромб, как он «устроился», какова его динамика и на основании таких данных проводить оперативное вмешательство и реконструировать венозную сеть. А в качестве терапии в клиниках для промывки венозной сети и артерий стали использовать лекарственный состав моей разработки.

– Хочу похвалиться – я знаю, как он называется: «коктейль лекарственный Аскерханова»?

– Да. Материалы по лекарству напечатаны в зарубежной медицинской литературе. Позже появились разработки микрохирургических операций не только на стенках, но и на клапанах сосудов. Также появилась научная работа «Внутренняя и наружная коррекция клапанов вен по методу Р.П.Аскерханова».

– По этой тематике вы выступили с докладом в Париже, и известный французский флеболог Р. Фонтэн предложил избрать вас членом Международной ассоциации флебологов.

– Да.

– Также по предложению Генерального секретаря Международной ассоциации хирургов Ж. Трюидена вас избрали действительным членом этого общества?

– Да.

– Вам удалось передать весь свой накопленный опыт и знания в подготовке дипломированных докторов и кандидатов наук, число которых перевалило за пятьдесят?

– Да.

– Можно ли назвать все это «Школой Аскерханова»?

– Нет

– Почему?

– Потому что скромность украшает человека, -быстро среагировал Айгум, пока профессор думал.

– Вам снятся сны? И что такой сон с точки зрения профессора медицины?

– Конечно. Мне часто снится мой отец, который говаривал... Мое село Султанянгиюрт, где родился. Сон это разность напряжения в нейронах головного мозга, который снимает это напряжение.

А учителя ваши вам снятся?

– Учителей я часто вспоминаю, когда сталкиваюсь с проблемой. Конечно, как не вспомнить Некрасова, Петро, Максудова, Ризваша. С каждым из них связаны отдельные воспоминания.

– Например, когда умирал Соломон Израилевич Ризваш, я с Нагорным смотрели за ним, желая продлить его жизнь, как можно дольше. Человек с большим юмором. «Рашид, как думаешь, – спросил он меня, – куда мне хочется попасть: в рай или ад?» Я потерял дар речи. Он продолжает: «Не знаю: у хирургов полно врагов и в аду и в раю».

– Да, смешной хирург. Еще один вопрос: если я попаду к вам в больницу, вы меня примете без очереди?

– Как же без очереди?! Время тоже лечит.

Ха-ха.

– Как вы думаете, мужская дружба может быть вечной? Я имею в виду вас двоих.

– Это спросите у него, – он ткнул пальцем в Айгума, директора кумыкского театра.

– Наше общение с профессором не меняется, -ответил Айгум, вливаясь в беседу с улыбкой.– Мы можем не видеться день, месяц и когда увидимся вновь, можем смеяться над какой-нибудь ерундой, как и раньше. Нет скованности. Такая дружба имеет шанс быть бесконечной.

– Хороший ответ, философский. И наконец, последнее: что бы вы хотели сказать нашим телезрителям.

– Сделайте все, чтобы к нам не попасть, ведь здоровье каждого в его руках. А так- я сделаю все, что могу.

специализировался на антисептике и был награжден Орденом Красной Звезды. Человек с большим юмором. Это так, к слову

ПО ДОРОГЕ НА РАБОТУ

Рашид, сойдя со ступенек, направился к «Волге», которую он привык парковать в углу двора, чтобы она никому не мешала. Она там прописалась: соседи знали, что это место доктора, и никто не осмеливался покушаться на него, даже тогда, когда оно могло быть свободным несколько дней подряд. Он ухватился за ручку двери и прежде чем дернуть, бросил взгляд на окно дома, где обычно ему на прощание махали детские ручонки. Но сегодня их нет: папа подвел, и они не выпались.

Он погрузился в машину, откинулся на сиденье, чтобы поудобнее занять место за рулем и только собрался запустить мотор, как сзади услышал сигнал машины, которая на повороте спешно, скрипнув тормозными колодками, въехал во двор. Кто за хрен, успел подумать Рашид, вывернувшись назад. Шихсаид. Вот кто. Что могло произойти? Кто-то попал в больницу и пришел просить о помощи. Он одним движением выскочил из-за руля и стал размашистой походкой приближаться к Рашиду. Друг с квадратным подбородком и взрывоопасным характером, неутомимый, как крот, разбирающийся в людях, как психолог. На лице мина, готовая взорваться в любую секунду. Рашид высунулся из машины

– Ты какого хрена выключил телефон? – громко прорвал свое возмущение Шихсаид, приблизившись к Рашиду и небрежно протягивая руку, чтобы поздороваться. Губы выпячены вперед. Его привычка, когда внутри обуревают гнев.

– Потихе, парень, – прошипел Рашид, оглядывая двор, еще не догадываясь, что могло произойти за ночь. Вчера они отдыхали, веселились, пили, смеялись, шутили. —Что люди подумают!

– Пусть, – успокаиваясь и несколько удивившись своей дерзости, мягким глуховатым голосом выронил Шихсаид.– Я примчался, чтобы спасти тебя.

Рашид застыл.

– Я не тону, – ворчливо огрызнулся Рашид.– Говори. Заболел что ли?

– Хватит прикидываться, Рашид, – сказал Шихсаид.– Дело серьезное, а ты улыбаешься.

Сосед Рашида, старый Иван Семеныч, проходивший мимо с ведром в одной руке, услышав высокий тон разговора, остановился, выпрямив спину.

– Рашид, помощь не надо?

– Нет, отец, – сказал Рашид.– справлюсь сам.

– Смотри, а то я могу задать ему палкой, – он помахал ею в воздухе и засеменял дальше. Он всегда в это время выбирался из дому, чтобы выбросить мусор и купить хлеба в магазине. Его старушка тяжело болела.

– Как тетя Валя, Иван Семеныч?

– Да так же, – сказал Иван Семеныч грустно и засеменял дальше.

– Вообще, – Шихсаид замаялся на секунду. Ему не хотелось в такой день омрачить друга, но обстоятельства заставляли.– Есть решение вызвать тебя на ковер в областной комитет

...

Рашид нахмурил брови от неожиданности.

– Поступи ли жалобы на тебя... -продолжил Шихсаид.– Дисциплинарная комиссия...

– Откуда информация? – прервал его Рашид

– Эй, брат, – протянул Шихсаид.– Из надежных источников.

– Я всегда подозревал, что ты работаешь на КГБ, – решил съязвить Рашид и разрядить напряжение.– Что за сплетни?

– Пока ничего конкретного, – произнес Шихсаид.– жалоба министра за срыв строительства корпуса больницы, армейская дисциплина в коллективе, и жалобы пациентов за... – Шихсаид запнулся, язык не поворачивался сказать такое.

– Что?

– Смерть ребенка и за взятки, которые, якобы, процветают в твоей больнице.

Сарказм исчез с лица Рашида, и он застыл, раздумывая о том, откуда растут ноги. Он открыл рот, но ничего не сказал, лишь пальцы забарабанили по рулю машины. Он зачесал висок и наморщил лоб.

– У тебя завелись крысы в коллективе, – тихо продолжил Шихсаид. – И скорее всего это человек, который хочет занять твое место. И знай: чем хуже тебе и больнице, тем лучше для него.

Тишина.

Рашид молчал. Он опустил руку и глянул на часы.

– Ладно, – буркнул он, положив руку на руку друга. – Мне пора.

– Надеюсь, ты сделаешь выводы, – сказал Шихсаид, готовясь отвернуться.

– Я догадываюсь, кто это, – сказал Рашид, выдыхая. – Ладно, вечером во сколько приедешь?

– Пока не знаю, постараюсь пораньше. Кубики на нарды поменяй, а то опять, когда проиграешь, будешь винить шашки.

– Да ладно тебе. Общий счет в мою пользу.

– Ты хороший хирург, но математика у тебя хромает. Ты попутал меня с Айгумом. Его можешь надуть и обманывать, снимая шашки. Со мной такой номер не прокатить, – отдаляясь, продолжал Шихсаид лепетать.

– Может, пораньше увидимся?

– Не могу, прокричал Шихсаид, – я еду в Буйнакск и не знаю, во сколько вернусь.

– Кого-то еще спасаешь?

В ответ Шихсаид лишь помахал рукой и залез в машину, дал по газам, задымил и с пробуксовкой исчез за угол дома.

Рашид подумал о дружбе, о спине, вспомнив постоянное напоминание отца: «Легче найти друзей, чем их сохранить»

Рашид вырулил на улицу и через минуту оказался перед центральной площадью имени Ленина.

Итак, утро обозначило две проблемы: Меджид, которого надо будет обследовать и секретарь обкома партии Зурабов, который прицепился как клещ и портит мне жизнь со времени работы в госпитале в войну.

И черт знает, что еще преподнесет сегодняшний день.

Мысль бурлит в голове, рисуя варианты, но хочется ее опровергнуть. Все-таки- это новость и дело может быть более серьезным, чем я представляю.

Рашид подсознательно с улицы Ленина свернул машину вниз по улице Дахадаева, проехал мимо Русского театра, сделал круг на привокзальной площади и направился обратно. Увидев гостиницу «Дагестан», принял вправо к тротуару, остановился и выключил зажигание, сам не зная, почему. На лобовом стекле собрались несколько капель дождя – он включил стеклоочистители и смазал их по всему стеклу, на котором образовалась жировая пленка: он пожалел, что смазал пыль, образовавшийся на стекле. Он потянулся к бардачку, достал сигарету, прикурил и затянулся, выдыхая дым наружу через открытую форточку.

Мимо него проходили люди, а он уставился на здание гостиницы, где он сформировался как хирург во время войны – здесь тогда был организован эвакуационный госпиталь.

Он глянул на часы- половина восьмого. Значит, можно не торопиться и предаться воспоминаниям: все-таки жизнь и есть воспоминания. Что-то с утра, в день рождения на него напала хандра, и он начал прокручивать события детства, чтобы подвести черту в полном одиночестве и с сигаретой в зубах.

ЧАСТЬ»

«Родной дом» -это всегда детство.

Село Султанюрт, где он появился на свет, состояло из одноэтажных домов одинакового типа: домик, двор, сарай, огород. Во дворе домашняя живность: две-три коровы, несколько овец, куры, гуси и слякоть, по которой надо было чавкать, когда управляешь хозяйством. Рашид с малого возраста помогал родителям по дому, пас овец. В школу пошел в семь лет, и когда учительница Татьяна Сергеевна задала вопрос ученикам: «Кто кем хочет стать?» все высказали свои желания – шофером, летчиком, агрономом, министром... и только один Рашид оставил вопрос без ответа. Он виновато сказал: « Я не знаю – я еще об этом не подумал». По классу прокатился смех, а учительница долго держала взгляд на черных вдумчивых глазах мальчика, который отличился от других и на этот раз. «Рашид, когда надумаешь, кем стать, обязательно скажи мне об этом, хорошо?» «Да», – согласился мальчик.

Рашид находился во дворе под навесом с топором в руке, когда его отец Паша вернулся с работы раньше времени. Он сразу подумал, что что-то случилось.

– Ты опять с топором, сын, – возмутился он с порога.– Это опасно, топор может порезать. Сколько я буду говорить тебе об этом!

Рашид нагнулся и отпустил топор на землю.

Отец подошел близко и стал над его головой. «Сегодня папа не такой как всегда, – подумал Рашид, – Злой. Лицо нахмуренное, глаза метают искры»

– Нет, – возразил отец.– Ты поставь его там, где взял. В доме все должно находиться на своем месте. Ты понимаешь?

– Да, – робко ответил Рашид, подбирая топор, чтобы отнести его на свое место на чурбане возле дров.

На шум на крыльцо вышла мать. Она вставила руки в бока – ее любимая поза – и, осмотревшись по сторонам, вмешалась:

– Что тут происходит? – Затем, увидев мужа в неурочное время, съязвила:– а ты что, сбежал с работы?

– Заболел, – буркнул отец, показывая указательный палец.– Адские боли – надо поковырять иголкой. Наверное, заноза зашла. Уже два дня как болит, а я не обращал внимания. Боли невыносимые.

– А ну, покажи, – мать подошла поближе и взяла палец в свою руку. После того, как осмотрела палец со всех сторон, она вскинула голову и заявила: «Это не заноза, милый»

Паша округлил глаза и открыл рот.

– А что это?

– Инфекция, – без раздумий уверенно выпалила жена.– Это инфекция: иголка тут не поможет.

– Это лучше, чем заноза? – спросил отец.

– Нет, это хуже – можно лишиться пальца.

– Но ты же, ты, же лекарь, знахарь, повитуха – помоги.

Мама ошетенилась.

– Не помогу, – резко среагировала мать, отбрасывая палец и поежившись.– Пока ты укоряешь меня в том, что я знахарь, повитуха, не помогу.

Мать была центром притяжения всех женщин, сплетен и ни одна более или менее значимая разборка не проходила без ее участия. Душа женской кампании.

– Да, ладно тебе, – сказал Паша с иронией.– Не скажу, пока ты лечишь меня. Откуда ты такая взялась у меня: женщина – огонь. Ты везде, где шум, где сплетни и разборки...

– Не твое дело, – перебила жена.– Я же не вмешиваюсь в мужские дела. Что плохого в том, что я помогаю другим словом и делом. Я лечу, не калечу.

– Ладно, убедила, – сдался Паша.– Посмотри на палец.

Жена быстро оттаяла, приблизилась и осмотрела палец по кругу.

– Жди, – сказала она, отпуская палец.

Паша растерялся.

– Чего ждать?

– Пока я приду с родника, – проговорила жена.– Заберу травы у Сакинат.

Мать накинула на плечо кувшин и исчезла.

Рашид, все это время следивший за диалогом родителей, сдвинулся с места.

– Болит, папа?

– Да, сынок.

– Воды теплой принести тебе?

– Зачем?

– Когда у меня болит живот, мама всегда дает воды, и у меня проходит.

Паша засмеялся.

– Это мама когда дает, – произнес Паша.– У нее волшебные руки.

Руки мамы не помогли отцу, не помогли и сбор трав, не помог и вареный лук: на второй день Рашид с сочувствием следил за папой, который с вздернутым вверх пальцем ходил по двору взад-вперед. Мама больше молчала и не знала, что делать.

– Мама, а нельзя врачу показаться? – поинтересовался Рашид.

– Нет, Рашид, – ответила мама.– Один врач на всю округу, и у него много больных с серьезными заболеваниями.

Отец не спал, не ел, не шутил и на третий день взял в руки бритвенный нож и сел на табуретку возле камина. В комнате было тихо, мама молчала, испробовав все методы народной медицины, и она, зная, что сейчас сделает отец, напряженно следила за ним.

– Папа, ты, что собираешься делать? – испуганно спросил маленький Рашид.

– Я сейчас буду забирать боль, – сквозь зубы процедил отец, прикладывая лезвие ножа к опухшей коже.

Все случилось мгновенно: отец резко срезал часть пальца, и отравленная кровь брызнула из открытой раны. Один стон отца и крик мамы поразили сердце мальчика: в нем перевернулся мир, который он только познавал. «Я забираю боль» стучала в голове мальчика, и его сознание подсказывало ему, кем надо быть, чтобы забирать чужую боль – доктором.

В школу сегодня Рашид пришел раньше всех. Он шел по коридору уверенной походкой и остановился напротив учительской. Он постучал, затем тихо толкнул дверь. Его не смутили глаза учителей, которые одновременно посмотрели на него.

– О, Рашид, – отозвалась учительница Лидия, которая, наклонившись, копалась в тумбочке.– Что-нибудь случилось? – испуганно спросила она, поднимая стопку тетрадей на стол.

– Татьяна Сергеевна, – прозвучал детский невинный голос мальчика.– Я знаю, кем я хочу стать, когда вырасту.

Пауза, затем раздался смех. Татьяна с улыбкой повернулась к коллегам:

– Он единственный в классе, кто не знал, кем хочет стать. Прошло несколько дней и вот... – Она приблизилась к мальчику и, сев на корточки, тихо спросила:– И кем ты решил стать, Рашид?

– Доктором, – произнес Рашид

В кабинете раздалась вторая волна смеха.

После окончания школы мама, провожая сына в Хасавюрт, долго смотрела ему в глаза.

– Сынок ты уверен, что хочешь стать врачом?

– Да, мама, – ответил Рашид. – Я твердо решил помогать людям, чтобы они не болели.

– Ступай! – она отняла руку с плеча мальчика, который в один миг показался ей повзрослевшим. – Я благословляю тебя, сынок.

Она долго взглядом провожала сына, глядя в отдаляющуюся от нее фигуру сына, который так быстро повзрослел. Она поджала губу, и слеза покатилась по щеке. Она не успела впитать всю радость от каждого мгновения, проведенного рядом с ним. Детство закончилось, и я никогда не верну ушедшее время и неосознанное счастье, подумала она.

ФЕЛЬДШЕР

Отец привез Рашида в Махачкалу для поступления в фельдшерскую школу. После поступления и сбора всех бумаг он получил направление в общежитие. Комнаты на четыре человека. Рашид впервые почувствовал, что отрывается от семьи, привычной жизни. Он самый маленький среди учащихся.

Отец сел на тумбочку и долго смотрел на сына, которому еще нет четырнадцати лет.

– Справишься, сынок? Ты вообще хорошо подумал, что хочешь стать фельдшером?

– Да.

В комнату с шумом ворвались трое. Увидев Пашу, они быстро умерили свою пыль и тихо поздоровались. Штаны у всех мокрые.

– Вы откуда, ребята? – спросил Паша.

– Я из Хучни, – ответил один. Другой оказался из Хунзаха, Третий из Буйнакса.

– Я хотел спросить, откуда вы пришли такие мокрые?

– Ребята засмеялись, пытаясь заглянуть назад на штаны.

– А мы были на море, – хором ответили они.– После обеда пойдем посмотреть вокзал, поезда и другие достопримечательности.

В то время в городе действовали две фабрики: нефтеперегонный и бумагопрядильный и несколько цехов.

– Плавать хоть умеете?

– Не-ет, – протяжно в один голос промурлыкали они.– Будем учиться, а то можно утонуть, как сегодня один утонул.

Паша вздрогнул, а когда, покидая общежитие, прощался с сыном, дал отцовский совет:

– Ребята хорошие, но старше тебя. Не давай себя в обиду никому. Учись хорошо. Соблюдай дисциплину. И главное – на море не ходи. Это тебе не мелководный Сулак, а море.

– А на вокзал можно?

Паша понял, что Рашид вольется в коллектив и вряд ли сможет удержаться от юношеских увлечений и мир его с этого дня будет другим.

– Там тоже опасно, сынок. Можно попасть под поезд. Но я не могу подсказать тебе советы на все случаи жизни. Просто будь благоразумен и осторожен.

ПРАКТИКА В АНДРЕЙАУЛЕ

Три года в училище пролетели как один миг. Рашида на практику направили в Андрей-аул. Медпункт расположен в центре села и представлял собой одноэтажный саманный домик с несколькими комнатами: коридор для ожидания, процедурная, палата для неотложного лечения и кабинет фельдшера. Привычный запах йода и медикаментов. Старая женщина, санитар толкнула ведро с тряпкой в угол и выпрямилась.

– Здравствуйте, – поздоровался Рашид

Ее шерстяной клетчатый платок сполз в одну сторону, оставив открытыми черные блеклые глаза, нос и часть лица, на котором видны следы, которых оставила оспа.

– Здравствуйте, начальник, – отозвалась женщина, – нам уже сообщили, что к нам направили нового фельдшера.

– Да, точно. Это я. Ознакомьте меня, пожалуйста, с обстановкой, что у вас есть, чего нету.

Рашид, увидев запас лекарств и медикаментов, заметил:

– Да, у вас тут почти ничего нет. Кто должен обеспечивать медпункт лекарствами?

– Фельдшер, – бросил мужик с сигаретой во рту, который неожиданно появился за ее спиной. Похоже, муж

.– У меня есть сын такого же возраста, как и вы, – сообщила санитарка, продолжая с любопытством изучать нового знакомого.– Я родила семерых детей, двое умерли. Работаю здесь со дня основания пункта в 1924 году.

«Зачем она мне это рассказывает, – подумал Рашид.– Я не могу вернуть ей умерших детей. Или она хочет вызвать у меня сочувствие? Сочувствую и жалко, что люди болеют и умирают. Я постараюсь вам помочь»

– Мне нужно увидеть председателя сельсовета и вручить представление. Не скажете, как к нему попасть?

– Конечно, – ответила женщина. – Он такой зануда. Да вас здесь работал хороший парень из Кизляра. Председатель его выжил. Но он, уходя, что-то сделал, отомстил ему, – она приснула.-

и он болеет.

– Он ему надоел, – сказал мужик, оттряхивая пепел за порог.– Он все время рассказывал ему, как он спасал доктора Вишневого из реки Сулак.

– Ты скажи ему, что ты об этом уже слышал.– Посоветовала санитарка.– Она тихо засмеялась, обнажив рот с одним зубом.

– Хорошо. Скажу.

Протиснувшись бочком в покрашенную дверь, Рашид увидел сидевшего за Т-образным столом сельского правителя. На нем была трикотажная серая рубашка с закатанными по локоть рукавами. Стол накрыт дешевым зеленым сукном. В середине красуется чернильница в форме лунки с коническим углублением, в которой торчит ручка с обычным канцелярским пером, обогранным фиолетовыми чернилами. Он захлопнул талмуд с набухшей по краям обложкой и поднял взгляд. Брови разрослись вверх и вниз одиночными седыми волосками, которые подчеркивали его преклонный возраст, лицо болезненного цвета испещрено морщинами.

– Кем будете?

В его голосе слышны властные нотки.

– Я фельдшер и направлен к вам на работу.

– Да! – удивился секретарь.– Такой юный. Сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

– Гайдар в твоём возрасте полком командовал. Ты знаешь это?

– Знаю.

– Ну, вот и хорошо. Что умеешь делать?

– Могу лечить.

– Ещё что?

– Могу не лечить, если у вас в медпункте нет лекарств.

– Это что упрек? Ты, наверное, уже осмотрел свои владения и успел услышать сплетни бывшего врача?

– Нет. Я здесь никого не знаю.

– Какой негодяй. У него закончились лекарства, и ему стало лень поехать в Хасавюрт и начал лечить всех пургеном.

Рашид прыснул и засмеялся.

– Ну и как, помогло?

– Я ему пожаловался, что из-за мыслей в голове сон потерял. Он мне выписал лекарство. Два дня спокойно домой не мог добраться: шел по маршруту от туалета к туалету. Вот негодяй! И знаешь, что он мне сказал? Зато теперь у вас в голове будет одна мысль. Не могу забыть его.

Рашид продолжал смеяться.

– Вы, может быть, чем-то обидели его.

– Я в своей жизни видел много врачей...

Рашид, опережая его слова, подумал о Вишневром, чье имя сейчас должен прозвучать, как его предупредила санитарка.

– Но такого урода не видел никогда. Надо же додуматься до этого.

«У него точно- отравление», – подумал Рашид и пожалел, что смеялся.

– Вам нужно провести очистку организма, товарищ председатель, – произнес Рашид. – Вам нужно исключить из рациона острое, жареное и жирное. Больше надо пить жидкости: воду, компоты из сухофруктов и каши на воде.

Рашид ждал, когда же он перейдет к рассказу о Вишневром.

– Вы сказали, что знаете многих врачей и кто они?

Председатель, прищуриль глаза, задумался, как будто догадываясь, что в этом вопросе есть подвох.

Он потянулся до чернильницы и сдвинул ее на другое место. Мысли его, судя по сгустившимся чертам лица, бежали по образам. И почему-то он не посчитал нужным сообщить о своем друге детства Саше Вишневром, которого он спас от смерти, рискуя жизнью. И за это отец Саши, бывший военный офицер русской армии подарил его нуждающейся семье корову. Брехун, подумал Рашид- даты не совпадают.

В селе оказалось много больных. На следующий же день у порога и в коридоре пункта собралось много народу. Рашид по ходу дела составлял список инструментов, лекарств, инвентаря, с которым с согласия председателя и его содействия собирался запросить у руководства центральной больницы в Хасавюрте.

Рашид быстро завоевал уважение сельчан за отношение к больным и грамотное обслуживание. Он почувствовал в себе силы и уверенность. Но ненадолго. Дома в селе Султанянгиюрт тяжело заболела старшая сестра Эмина, которая с самого детства была для него надеждой и опорой. Он чувствовал, что сегодня она нуждается в его помощи. Она была на попечении родителей и младшей сестры Рупии. Меджид учился на втором курсе Сельхозинститута, а Атия вышла замуж и у нее была своя семья.

Улучив время, Рашид поехал в село, чтобы забрать сестру и показать ее опытным врачам в Хасавюрте. В больнице врачи лишь помотали головой и пожалы плечами. Диагнозы одних не совпадали с другими. А сестра чахла с каждым днем. Рашид спорил с врачами, задавая

им неудобные вопросы. Те удивлялись пытливости и аналитическим способностям молодого фельдшера, но предпринять необходимые меры не смогли. Амина умерла, и это стало для Рашида отправной точкой в профессии врача: он погрузился в литературу и стал черпать знания самостоятельно.

МЕДИНСТИТУТ

Следующим шагом Рашида в профессии стало поступление в мединститут. Он, блестяще сдал вступительные экзамены и в 1939 году, стал студентом Медицинского института. К тому времени родители преждевременно постарели от тоски по дочери и непосильного сельского физического руда. Для него спасением было то, что старший брат Меджид окончил сельхозинститут и вернулся в родное село и стал работать агрономом. Время бежало. На календаре 1941 год. Июнь.

Рашид, успешно сдав все экзамены и зачеты, размахисто, в широкой белой сорочке с закатанными рукавами торопился на автостанцию, чтобы приехать домой и обрадовать отца.

На автостанции была необычная суета и мрачные лица. Он подумал, что за день-пятница. Не получив ответа, он стал прислушиваться к разговорам людей, в которых больше звучала слово «война». Старший брат Меджид, работавший агрономом в колхозе, суетливо собирал свои вещи и прощался с родителями, молодой женой: он уходил на войну. Безмолвное приветствие и странный прощальный взгляд – всем известно, что с войны могут не вернуться. Мать плачет, отец молчит. Младшие сестры в недоумении.

Рашид взял протянутую твердую руку брата, пожатие длилось дольше обычного. Глаза в глаза.

– Рашид, я тебя оставляю старшим и позаботься о сестрах, хорошо?

– Да, – скорбно произнес Рашид. – Ты так говоришь, как будто уходишь навсегда.

Меджид посмотрел назад, чтобы убедиться, что никто не слышит.

– Брат, я уйду не на свадьбу, – произнес Меджид. – С войны человек может и не вернуться. Так что позаботься о родителях, – он запнулся. Глаза покраснели от наплыва чувств. – Вообще, ты понял меня. – Он отвел взгляд и молча, стал снимать с руки часы. – Ты их хотел. – Храни на память.

В военкомате столпотворение. Военком в звании лейтенанта в одной руке держит бумаги, а другой дает команды, указания кому – то на обследование, кому-то на собеседование, а кому на войну. Рашиду не повезло с направлением на двери: « Пойдете в военный госпиталь №3187, подойдете к начальнику Ризвашу. Понятно?

– Да, товарищ лейтенант.

Лейтенант, чтобы подать мне направление сделал шаг из-за стойки. А при следующем шаге его голова опустилась ниже обычного. Рашид перевел взгляд на ногу офицера. Вместо ноги из брюк выглядывал деревянный заточенный брус. Глаза Рашида столкнулись с взглядом офицера, который догадался о его мыслях.

– Ампутировали, – ответил офицер на безмолвный вопрос Рашида, который повис в его глазах. – Живу, ничего. Знаешь, где находится гостиница «Дагестан»? Там у нас первый госпиталь за номером 3187 на 1200 коек. Как фронтовая база северной группы войск Закавказского округа. Оттуда идет весь поток раненых.

– Знаю.

– Под госпитали отведены лучшие места города, – продолжил офицер. Который был расположен к беседе. – 38 школ, 26 общежитий, 15 учебных заведений и 7 гостиниц. Руководство над госпиталями осуществляет нарком здравоохранения М.С.Яникиан. Эвакогоспиталями занимается доцент О.Б.Бароян. Знаешь его- он преподает в вашем институте.

– Знаю.

– А других ваших- Цюпака, Владимирцева, Магомедовой и Казанфаровой отправили в Дербент в госпиталь номер 1628. Знаешь?

– Да.

– Удачи тебе.– Он потянул руку на прощание.– И еще: скажи хирургам, пусть не отрезают ноги, если можно их лечить. Непривычно как-то и все время болит. И еще я не женатый.

Рашид грустно помотал головой.

– Хорошо, я скажу об этом хирургам.– Рашид выдержал паузу, желая спросить, сколько же ему лет, но промолчал.

Да, я скажу: «не отрезайте ноги людям». Скажу.

Пробираясь к гостинице «Дагестан» Рашид мысленно представил ужасы войны: отступление советских войск под натиском врага по дорогам, по городам, проселкам, где днем и ночью шли грузовики, пешие колонны, а рядом рвались снаряды. Тысячи раненых, искалеченных людей, которые нуждались в лечении.» Главное ноги не отрезать».

СПРАВКА: ВОЙНА. ЭВАКОГОСПИТАЛИ

В 1942 году немецкие штурмовые отряды зашли на Кавказ, подогреваемые уверенностью в легкой победе. Поскольку основные советские силы были сосредоточены на обороне столицы-Москвы и Ленинграда, лучшего момента для оперативного наступления не найти. Оккупация Кавказа решала главную задачу вермахта- обеспечение наступающих войск Бакинской нефтью и хорошим стратегическим плацдармом..

Сталин как выдающийся военачальник не мог не осознавать последствия захвата Кавказа врагом. Поэтому оборона Кавказа и его обороноспособности выступила на передний план боевых операций по фронту. Вместе с тем контролируемое отступление на Кавказе было стратегическим маневром Сталина, о котором вермахт даже не догадывался. Увлеченные и опьяненные успехами и ни в чем, не догадываясь, немцы сосредоточили на Кавказском направлении шесть дивизий. Против них стояли три советские армии, которые оттягивали силы противника подальше от главного стратегического центра-Сталинграда. Немецкие части растянулись, тыл расширился и ослабел: танковые соединения останавливались из-за нехватки горючего, а советские соединения, которыми руководил командарм Буденный, больше стояли на местах, получая подкрепления строго по регламенту. Правда, были ошибки из-за кавалерийского мышления командарма, который по-прежнему считал кавалерию самым эффективным средством для решения исхода сражения. Кроме советской армии у немцев появилась еще одна проблема – горы, против которых их техника была бессильна, а их прославленные горные егеря оказались бессильными против местных красноармейцев, которые знали каждый кустик.

Шла война, и шел поток раненых, которых надо было лечить и возвращать в строй. Дагестан стал прифронтовой зоной и местом, где было организована сеть эвакуационных госпиталей. К началу 1942 года были организованы несколько десятков госпиталей на 9000 коек: в Махачкале-20, Дербенте-10, Буйнакске-16, Каспийске-13, Избербаше-2, Хасавюрте и Кизляре по три. В Махачкале функционировали госпитали №3187 на 1200 коек в гостинице Дагестан, №1614 на 600 коек, №4650 на 1200 коек в механическом техникуме, №4651 на 350 мест в школе №5, №2924 на 1200 коек в здании пограншколы...

В Махачкалинском госпитале №3187 под начальством доктора Д.Н.Розена был организован специальный корпус на 300 мест со специализированными отделениями: хирургический на 80 коек с начальником Р.А.Цюпак, челюстно-лицевой, возглавляемый профессором М.М.Максудовым на 50 коек, неврологическое под руководством Х.О.Булача – на сто мест, отоларингологическое под руководством доктора В. А. Лихтенштейна-50 мест, глазное – на 50 мест

Ведущий хирург челюстно-лицевого отделения госпиталя №3187 М. Максудов восстанавливал обезображенные ранением лица и своим благородным трудом помогал советским воинам освободиться от физической и моральной травмы.

В эвакогоспитале №5011 доцент М. Нагорный применял методы вторичного шва, костной и мышечной пластики, благодаря чему в короткие сроки раненым возвращалась общая трудоспособность. Под его наблюдением молодые врачи, воспитанники Дагмединститута, осуществляли сложные операции по реампутации конечностей, ранений грудной клетки и живота.

Начальником эвакогоспиталя №1614, прибывшего в Махачкалу 11 ноября 1941 г. и размещенного в школе №13, был заслуженный врач ДАССР С. Ю. Алибеков, затем коллектив госпиталя возглавил доктор Ф. А. Голубцов. Здесь работали врачи А. В. Черняева, А. А. Еремина, К. Д. Бочарников, Р. И. Израева, А. А. Зайденберг и др.

Ведущим хирургом был проф. И. Ф. Маклецов. Часто посещали госпиталь и консультировали больных профессора Дагмединститута В. Г. Божовский, А. Г. Подварко, М. С. Добрыхотов, И. Н. Пикуль, А. В. Россов. Средний и младший медицинский персонал госпиталя состоял главным образом из числа жителей Махачкалы.

На внутригоспитальных курсах за короткое время было подготовлено свыше ста фельдшеров и санитарок. Прежде всего, они были обучены технике переливания крови. Этой сложной и ответственной процедурой лучше всех овладели медсестры М. П. Лосева, У. Сулханова, Е. А. Лукина, А. Е. Мережкина, Х. М. Рахматуллина – впоследствии отличник здравоохранения СССР и др.

Свыше 33 тыс. бойцов получили лечебную помощь в этом эвакогоспитале. Одновременно здесь могли разместиться более 1200 раненных воинов Красной Армии. Благодаря хорошей постановке лечебной работы коллектив эвакогоспиталя №3187 добился возвращения в строй более 70% поступивших на лечение бойцов.

Между тем, ни на один день не забывали о развитии медицинской науки: в госпиталях были организованы курсы повышения квалификации, четко налажен шефство над молодыми специалистами. День за днем в госпиталях шла кропотливая лечебная работа, причем ни одна хирургическая операция не повторяла другую, все время шел поиск новых методов лечения.

В Дербентском госпитале под руководством доктора А.Ф.Серенко внедрили эффективный метод лечения, которые способствовали выздоровлению раненых солдат. Новый метод повязки военного врача Пономаренко – «фиксирующая гипсовая при переломах плеча» не только экономила перевязочный материал на пятьдесят процентов, но и облегчало состояние больного. Здесь также отличились врачи Цюпак, Рейслер, Шаповалова, Синько.

В 1942 г., в Дагестане была создана фронтовая госпитальная база северной группы войск Закавказского округа, через который шел основной поток раненых. Управление госпиталей разработало специальные мероприятия по неукоснительному соблюдению санитарного режима обслуживания раненых.

Полевая санитарная служба северной группы войск Закавказского фронта признала группу госпиталей Дагестана единственной базой передового этапа эшелонированного лечения. Быстро был решен вопрос о создании госпиталей для реэвакуации, а в самих госпиталях реэвакуационных отделений. На основании приказа Наркомздрава ДАССР по отделу эвакогоспиталей принятый 28 мая 1942 г. было решено создать в здании кинотеатра «Комсомолец» сортировочный госпиталь.

Для лечения в госпиталях активно стали применяться физиотерапия, лечебная физкультура, диетическое питание и переливание крови. Госпиталю стали получать помощь от населения: около двухсот организаций Дагестана шефствовали над госпиталями- люди таскали теплые вещи, овощи, фрукты, ухаживали за больными, сдавали кровь.

В госпиталях была налажена культурно-массовая и партийно-политическая работа: три раза в неделю показывали новые кинокартины, артистами театра им. Горького часто проводились концерты. Покинув стены госпиталей, воины откликались с фронтов в благодарность за заботу и внимание:

«...Мы, красноармейцы, сержанты и офицерский состав, многие прибыли в эвакогоспиталь №3187 в бессознательном состоянии, совершенно не могли двигаться, сами не верили в спасение наших жизней. Однако, прибыв в этот госпиталь, мы с первого дня были окружены большим вниманием и заботой со стороны медперсонала госпиталя. Они отдавали все свои силы, все свои знания в дело восстановления нашего здоровья и нам сейчас не только спасли жизнь, но нас сделали способными воинами, нам дали силу и здоровье ехать вновь на фронт добивать кровавого врага. Большая заслуга в этом принадлежит начальнику эвакогоспиталя, подполковнику м/с Розен и зам. по политчасти, капитану Сафаралиеву, а также

докторам т. т. Рабаталову, Лихтенштейну, Максудову, Гениснан, Гуляницкому, Джангуватовой, Фисенко, и хирургу Цюпаку Роману Александровичу, проф. Булач, док. Чудносоветову и Зубову.

В марте 1942 г. Наркомздрав РСФСР издал приказ о привлечении научной медицинской общественности к обобщению опыта лечения раненых в госпиталях и разработке практических мероприятий по дальнейшей организации госпитального дела. Во исполнение этого приказа при Наркомздраве Дагестанской АССР был создан госпитальный совет, в который вошли 20 человек. Среди них профессора: С. И. Ризващ, С. М. Петро, В. Г. Будылин, И. И. Шаров, А. Г. Подварко, О. А. Байрашевкий, И. Н. Пикуль, Х. О. Булач, доценты – Д. Г. Коваленко, Н. Т. Гительман, Е. М. Варшавский, Н. А. Сергулин и др.

В июле 1943 г. в Дагмединституте прошла научная конференция, посвященная 25-летию советского здравоохранения. На конференции было заслушано 28 докладов, большая часть которых посвящалась практике лечения больных в госпиталях Дагестана. Всего за годы войны было проведено 8 республиканских совещаний медицинских работников, 4 научно-оборонных съезда врачей и 53 межгоспитальных научных конференций. На республиканских совещаниях и съездах врачей было заслушано 238 научных докладов, на межгоспитальных конференциях – 111 докладов и 30 демонстраций.

Окончательную точку в битве за Кавказ поставил Сталинград. После окружения 6-й армии, немцы оказались под угрозой удара с фланга. Пришлось отвести войска с Кавказа, оставив попытки захватить желанную нефть.

ВОЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ в гостинице Дагестан

На пешеходном переходе перекрестка ул. Дахадаева и Вокзальная Рашид, услышав сигнал грузовика, который вырулил с госпиталя в сторону вокзала, ускорил шаг и стал взглядом провожать его, пока не скрылся за поворотом.

– Еще утро, а уже третья машина, – проговорила пожилая женщина, сидевшая на первой ступени лестниц в госпиталь. Раненых везут без конца

– А вы, почему здесь сидите, мамаша? – Спросил Рашид. – Машин считаете?

– Нет, – ответила женщина. – Я приехала к сыну. Он попал сюда десять дней назад. Я скоро заберу его домой.

– А как зовут?

– Нестеров. Капитан Нестеров. Летчик. Его оперировали, и его уже выписывают.

Рашид кивнул головой в знак сочувствия, но промолчал. В госпитале тысяча пациентов – кто знает о летчике Нестеров.

– Он подбил много немецких самолетов, – продолжала мать, – у него много орденов. Он еще совсем молодой. Я буду ждать его здесь. Я не хочу уходить.

Двадцатидвухлетний студент мединститута Рашид Аскерханов, высокий, с зачесанными назад волосами толкнув массивные двери с тугой пружиной, переступил порог госпиталя. Дверь оглушительно хлопнула, и Рашид от неожиданности вжал голову в плечи. Из вестибюля – вправо и влево – широченные коридоры, тоже со сводами. Внутри он оказался среди суеты: молодые сестры с тазиками, шприцами, бинтами в руках мечутся по коридору с высокими потолками. Врач в углу под лестницами заполняет карточки. Дежурная сестра, полусонная, с пилоткой на голове, из-под которой торчат копны непослушных волос сидит за столиком возле стены под портретом Сталина. Увидев Рашида, она зашевелилась и по-военному спросила незнакомца:

– Вы к кому?

Рашид подошел близко к столу и уставился на орден Красной Звезды, красовавшемуся на груди сестры.

– Ух, ты! Вы герой, вынесли с поля боя двадцать пять раненых?

Сестра оставила восхищение незнакомца без внимания.

– Вы к кому?

– Я знаю, – продолжал Рашид, проигнорировав вопрос дежурной. – 15 раненых с их оружием дают награду «За боевые заслуги», 25 раненых – орден Красной Звезды, а сорок – Орден красного Знамени. Ваш случай второй. Так? А почему вы сонная на боевом посту? И как вас зовут?

Сестра вдруг выправилась и стала смотреть за спину Рашида.

Рашид оглянулся и увидел пожилого грузного мужчину в белом халате и очках с тонометром, подвешенным через шею.

– В чем дело, молодой человек? – спросил он сильным голосом. – С мединститута?

– Да, – ответил Рашид.

– Вам интересно, почему она сонная? – произнес он прозаически. – Я отвечаю. Ей с утра довелось разгружать прибывшие с вокзалов автомашины с ранеными, потом таскать беспомощных людей на перевязки, на рентген, мыть, скоблить полы в палатах, топить печи, стирать и сушить бинты, простыни, солдатское белье. Помимо этого – уход за ранеными, помощь в операциях, перевязки, уколы, раздача лекарств, бессонные дежурства... Я посмотрю на вас через пару дней, как будет улетать с вас спесь. Следуйте за мной.

Рашид, молча, повернулся, чтобы последовать за широкими плечами врача госпиталя, потом, быстро вернувшись к столу дежурной и храня на лице ухмылку, тихо спросил:

– Кто это?

– Хирург Петро.

– Это имя или фамилия? – спросил Рашид. – А как по отчеству?

– Никак. Его просто зовут Петро.

– Почему?

– За гениальность, – заключила дежурная.

Петро остановился и оглянулся.

– Молодой человек! Следуйте за мной! – приказной тон.

– И что мне будет? – успел спросить Рашид

– Неделю будешь дежурить на кухне, – с угрозой и улыбкой произнесла дежурная.

– Да, хорошая перспектива, – произнес Рашид. – Ты мне так и не сказала, как тебя зовут. –

Он побежал догонять Петро.

Его настроение и спесь улетучились, как только в коридоре увидел раненых бойцов: перевязанные, стонущие, прикованные к постели. Ужас. Таких здесь тысяча двести человек?

Петро в нерешительности остановился перед дверью кабинета главврача с поднятой в локте рукой, чтобы постучаться: оттуда доносились голоса на высоких тонах. Через несколько секунд он побарабанил о дверь согнутым указательным пальцем.

– Войдите! – крикнул злой голос.

ССОРА

Вот он начальник госпиталя Дмитрий Николаевич Розен, старый с седой головой и решительным взглядом, организатор и доктор наук. Напротив него сидит худощавый молодой офицер с линии фронта.

– Что за ругань? – робко поинтересовался Петро.

– Саша, ты знаешь, с какими претензиями он приехал к нам из штаба армии? – спросил главврач. – Он нас обвиняет в том, что мы умеем делать лишь одни ампутации. Представляешь!

«Ага, – подумал Рашид, – имя у хирурга есть – Александр, вскоре выяснится и отчество»
Расскажи ему о партии больных, которых привезли с линии фронта. Был у них шанс?

– Нет. – Сразу ответил Петро.

– Нет, черт побери, – повторил Розен, – Вы, что совсем голову потеряли? У всех раны были забиты мазью и перевязаны. И к тому времени, когда они поступили к нам, у всех была предпосылка к газовой. – Он встал из-за стола, направляясь к стеллажу с литературой. Он прошелся по книгам, но не нашел, что искал. Потом махнул рукой. – Есть «Единая доктрина военно-полевой хирургии». Вы знаете, что там написал Бурденко – все хирурги на всех фронтах должны лечить раненых одинаково. Такая регламентация нужна на войне не потому, что этого хочет Бурденко, а потому. Что хирургией на фронте занимаются не хирурги, а кто попало – от инициативы, как случилось у вас. – Одни потери.

– Мы работаем по инструкции, товарищ начальник госпиталя. – Прорвался голос лейтенанта. – Ваши обвинения в наш адрес не уместны. – Офицер встал.

– Это вы так считаете. Вы даже не хотите меня выслушать, – он повысил голос. – Мне ничего не остается, кроме как накатать на вас жалобу в Главное медицинское управление. Пусть сам Бурденко с вами разбирается.

Офицера успокоился моментально и он сел.

Рашид внимательно слушал и наматывал на ус всю информацию.

Главврач продолжал нервничать и бубнить злословие себе под нос, затем сел за стол.

– Вот что я вам скажу, – продолжил он. – Военно-полевая хирургия предполагает сочетание четырех составляющих доктрины: эвакуация по назначению, где раненому будет оказана первая положенная помощь; госпитализация, где его должны задержать для лечения в зависимости от вида ранения. Если это хирургия, то в первую очередь вы должны – убрать пищу для микробов: размозженные пулей ткани. Здоровые клетки микробов не боятся, за исключением ядовитых. К ним относятся возбудители газовой гангрены-анаэробы, микроорганизмы, развивающиеся без доступа кислорода. Если нет микробов, то рану можно обрабатывать после шести часов – все равно будет польза. Можно и не иссекать рану, а только рассекать. Но! Нельзя ни в коем случае ее зашивать, как вы это сделали и погубили людей, которые не смогут вернуться на фронт. Пока такие поступят к нам – уже газовая и надо резать. Понимаете? – После небольшой заминки он продолжил: – Еще. Встречаются у вас и другие ошибки. При переломах важно использовать шину Дитерйхса. При ранениях живота – лечить, как и в мирное время. Только нужно оперировать в первые шесть часов, а то ждите перитонита. При ранениях груди нужно высосать гемоторакс. Осторожно – трогать только грудную стенку и ушивать пневмоторакс до кожи. Понятно, товарищ лейтенант?

Лейтенант кивнул головой, опустил голову, изучая свои начищенные до блеска кирзовые сапоги. У него было, за что уважать коллектив этого госпиталя – восемьдесят процентов больных возвращались в строй.

– Ладно, – буркнул он, бросив на врача осуждающий взгляд. – Я вам сказал то, что должен был сказать. Я спешу. Мне еще надо попасть в Дербент. До свидания.– Он громко хлопнул дверью и исчез.

В кабинете наступила тишина.

– Пусть жалуется, кому хочет, – произнес главврач. А это кто, студент? – спросил он, глядя на Рашида с нескрываемым любопытством.

– Да, Дмитрий Николаевич. Прислали из мединститута.

– Молодец, что записываешь, студент. Из тебя будет толк, – сказал он.

– Дмитрий Николаевич, можно я возьму этого молодого парня к себе на обучение и воспитание?

– Что значит «на воспитание», – недоуменно спросил начальник. Что, не успел появиться и уже провинился?

– Так точно, – ответил Петро.– К медсестрам начал приставать.

– Что подделаешь, Саша, – произнес начальник.– Молодость играет, и у нее свои законы. Как можно пройти мимо и не заметить красоту наших медсестер. Расскажи о себе, студент, и планах на будущее.

Рашид:

– Меня прислали сюда из военкомата, и я готов приступить к работе немедленно.

– К какой работе?

– Я имею ввиду лечить раненых, – доложил Рашид, сохраняя уверенное выражение на лице.– Образование – медучилище и первый курс мединститута: опыт ноль. Знания поверхностные. А на счет будущего – хочу научиться лечить ноги без ампутации.

Петро и Розен переглянулись и явно были не в восторге от признания молодого студента.

– Ты хоть стоял за операционным столом, молодой человек? – спросил Петро.

– Да.

– Оперировал?

– Да.

Он поднял одну бровь: в нем появился интерес.

– Что оперировал?

– Аппендицит.

Вверх взмыли обе брови.

– Как сделал?

– Помогал крючки держать, – не без иронии проговорил Рашид, и улыбка скользнула по губам.

Оценив юмор, Петро хмыкнул. «Глаза добрые, лицо умное – настоящий хирург» – подумал Рашид.

– Надеюсь. Очень надеюсь, сынок, что здесь тебе придется скоро делать это самостоятельно, – назидательно произнес Розен.– Начнем с того, что будешь его ассистентом. Будешь одновременно учиться и работать. Профессиональную литературу любишь?

«Кто не читал Пирогова про крымскую войну „Севастопольские рассказы“, – подумал Рашид. – Кругом ранения, трупы и беспомощность хирургии перед инфекциями при повреждениях крупных костей. Массовые и бесполезные ампутации конечностей, переходившие в муки и смерть. Кто не читал „Топографическую анатомию“ про ранения войны».

– Читаю Данилевского «Белый генерал» про пулевые ранения.

Петро опустил голову, снял колпак с головы, сжал в руках и помял.

– Тяжелые времена, сынок, – проронил Петро.– Враг под Моздоком. Раненые поступают без конца. Хирурги валятся с ног – представь по 20 операций в день и никто не скулит, не жалуется.. Ты станешь хорошим хирургом. Я тоже начинал с аппендицита.

– С крючков? – спросил Рашид.

Петро засмеялся басом.

– Я вижу: за твоим юмором таится характер, – проговорил хирург.– Я тоже был таким. Я передам тебе весь мой опыт и знания. Пошли. Начнешь с гипсования, скелетного вытяжения, переливания крови и первичной обработки ран...

– Саша! – произнес Розен.– Научи его хирургии и чем быстрее, тем лучше. Ох, как они нам нужны.

КРОВОТЕЧЕНИЕ

– Товарищ Петро, скорее: кровотечение, – закричала медсестра, неожиданно появившаяся в дверях, – раненый умирает...

Петро сдвинулся с места, сказав: « Хорошо, Дмитрий Николаевич. Потом, обращаясь к Рашиду: – На одном лишь аппендиците я расскажу тебе целую науку хирургии. Пошли».

Рашид поплел вслед за Петро. Кругом железные кровати, между рядами снуют медсестра с тарелками для шприцов и лекарств. Внутри операционной – запах йода, паров, пота. Медсестра держит рану пожилого еле живого пациента и возбужденно взывает о помощи, другая беспомощно размахивает жгутом. Вокруг паника: четыре медсестры и один молодой врач, сбившись в кучу, не знают, с чего начать. Перед ними посреди стола лежит раненый. Голова в грязной повязке, промокшей кровью. Из-под бинтов сочится алая кровь.

– Смотри, сынок, – сказал Петро.– Налицо все признаки внутреннего кровотечения: пульс учащенный. Значит, кровь начала циркулировать быстрее. Кровообращение начинает обслуживать жизненно важные органы, вследствие отключения периферического кровообращения. Смотри – руки и ноги холодные. Язык бледный и веко тоже. Мы не сможем его сдвинуть или перевернуть. Знаешь, почему?

– Да, – тихо произнес Рашид.– Из-за недостатка кислорода может наступить обморок.

– Точно, – подтвердил Петро.– Часто набухают вены на шее при внутривенном кровотечении. Цвет кожи синий. При внутрибрюшном кровотечении брюшина напрягается и сильно болит, наступает лягушачий живот, натянутый спереди и свисающий по бокам. Если кровь попадает в желудок, можно наблюдать кровавую рвоту. Если же кровотечение внизу желудка, то рвота выглядит в виде кофейной гущи. Понимаешь?

– Кровь алая говорит о том, что кровотечение артериальное, – сказал Рашид.– Кровь выбрасывается толчками, а при венозном кровотечении кровь темно-вишневого цвета и течет непрерывно.

– Молодец, – произнес Петро.– Я вижу: не зря ты потратил время в училище. Из тебя выйдет хороший доктор. Кровопотеря более пятидесяти процентов вызывает смерть, а быстрая потеря одного литра крови вызывает остановку сердца. Вот поэтому-то надо торопиться, – сказал доктор, отрывая руку с головы больного.– Пойдем, полей мне воды, надо руки помыть, – на ходу продолжал доктор.– Есть несколько способов остановки кровотечений: первый-прижатие артерии к кости пальцем; второе – умелое использование естественных сгибов конечностей. Понимаешь? Третий-использование бинтов и повязок. При давящей повязке кровь останавливается за счет образования тромба. Тугая тампонада раны используется, если невозможно наложить давящую повязку.

Он сунул руки в тазик с водой, потом крикнул ассистенту: «Почему вода не горячая»? Чуть подождал, пока разогревали воду, и продолжил свой монолог.– Пастер и Листер, уже антисептика. Ты слышал про чешского химика Луи Пастера, который сделал открытие для медицины? Он говорил: «Если бы я имел честь быть хирургом, то, сознавая опасности, которыми грозят зародыши микробов, я сперва бы тщательно промывал руки»

– И Гиппократ об этом говорил, не так? – спросил Рашид.

– Ты попал в точку, – подбодрил Петро Рашида.– Скажи любую вещь про медицину и цитируй Гиппократа – не ошибешься. Правильно думаешь,...– он сделал паузу, представляя предстоящую операцию по кровотечению, добавив: сила давления жгута проверяется визуально по пульсу ниже перевязки конечность должна бледнеть, а не синеть. Ясно? – Он высушил руки и дал команду:

– Стащите одежду и на стол, – отдал команду Петро.– Вторичное кровотечение – страшное дело. Кровь временно может остановиться. А потом дня через два даст о себе знать. Нужна

операция.– Он запустил ножницы в бинт, разрезал и оголил кровоточащую рану. Йод.– Мы уже большие специалисты на сосудах, – продолжает говорить Петро как бы с самим собой, – Да, Лида? – Но проблема: пока найдешь артерию, проходит много времени. Если не найдем, то сестру оставляем возле больного на ночь. Но умереть от кровотечения не даем никому. Да, Лида? Главное вовремя найти, где прокол: в сонной, бедренной, ягодичной или подключичной артерии.

Больной застонал и начал бредить.

– Склоните его на бок, – дает команду Петро.

– Нельзя, – отвечает сестра.– Захлебывается.

У больного веки упали на глаза от боли и бессилия.

– Йод, – прокричал доктор.– Перчатки. Новокаин. Потерпи, солдат. Сейчас все будет хорошо.– Он оголил живот и странно остановился, уставившись на поперечный длинный шов, растянувшийся от ребер до ребер. Доктор впал в оцепенение, и так простоял несколько секунд, затем резко, что-то вспомнив, поднял правую руку больного – еще один шов. Он отпустил руку.

МУКДЕН

– Дима! Дима! – доктор опознал пациента и свой почерк наложения швов.– Дима не отзывался и тихо умирал.

– Пульс?

– Слабая, неполная, – отвечает ассистент.– Он уходит.

– Сейчас, дорогой. Потерпи, – У Петро прорезался другой голос – он начал петь себе под нос, затем громче:

Тихо вокруг, сопки покрыты мглой.

Вот из-за туч блеснула луна,

Могилы хранят покой.

Сестра устала тупой взгляд с открытым ртом на хирурге, который ни с того ни с сего зашел. К чему это.

Больной шевельнул губами. Он, что-то хочет сказать.

Тихо вокруг, ветер туман унес.

На сопках Маньчжурских воины спят

И русских не слышат слез.

Доктор выпрямился и усилил ноты:

Плачет, плачет мать родная, плачет молодая жена,

Плачут все, как один человек,

Злой рок и судьбу кляня!..

– Петро! – еле выговорил солдат, раскрывая слипшиеся губы и желая подпеть.– Пусть гаолян,..– он загнулся и притих. Глаза наполнились слезами.

Петро продолжил:

Пусть гаолян вам навевает сны,

Спите, герои русской земли,

Отчизны родной сыны.

Доктор закончил восклицание и взял в руки инструмент. Старый высокий хирург, лицо закрыто желтоватой марлевой повязкой. Видны лишь глаза, которые изредка ловят ассистента. Руки в резиновых перчатках он держал сложенными в локтях на уровне лица. Рядом с ним застыла молодая девушка.

– Друг. Я не дам тебе умирать и на этот раз, – произнес доктор. – Кладите его на бок. Новокаин! – скомандовал он.– Приготовьте кровь, зажимы.– Замелькали локти, пришли в движение запястья.– Прибавьте свет. Еще одну лампу.

Он, наконец, нашел раненый сосудистый пучок. Рядом бьется артерия. Он рассек соединительно-тканевые оболочки и подвел лигатуру под наружную сонную артерию и наложил мягкий зажим.

– Сестра, очистите рану на ноге и помойте горячей водой от налета грязи и инфекции.

Он как то по- особенному сложил иголки и передал ассистенту. Он, наконец, распрямылся. Прошло часа два после операции, и он красноватыми усталыми от бессонницы глазами оглянул всех.

– Все. Дело сделано – будет жить, – сказал он и направился в угол комнаты мыть руки.– Рашид, пойдем со мной – у меня к тебе маленькая просьба.– Я хочу прилечь и отдохнуть и заодно прочитаю тебе лекцию..

Они почти дошли до комнаты отдыха, и сзади раздался голос медсестры:

ТИХИЙ БОЛЬНОЙ

– Доктор! Тут у нас тяжелобольной. Может, посмотрите.

Наружная дверь с шумом хлопнула, палата заполнилась новыми тревожными голосами. Новое поступление раненых.

Девочка начального класса читает стихотворение красноармейцу, лежащему на кровати возле окна. Лицо светлое и улыбается. Это опека гражданских над ранеными: они носят теплые вещи, мед, молоко, помогают медперсоналу с санитарией. А эта девочка греет душу стихами, и она уверена, что больше всего солдату помогут ее слова и напоминание о том. Что где-то в России его дочь точно такая же как она, читает книжки другому больному.

Она повела Петро по коридору госпиталя к солдату, который все время молчал. Он, видимо, уже устал стонать и корчиться от боли – он привык и ему уже все равно, что с ним будет. Он с бледным безжизненным лицом и потресканными губами безучастно смотрит в потолок.

– Как ты, солдат? – спросил Петро.

Он еле повернул голову.

– Хорошо.

Вначале войны в госпиталь поступали раненые после предварительного этапа лечения, а позже, когда враг приблизился к Дагестану – прямо с поля боя. Так что, картина становилась все более знакомой

Доктор теряет дар речи. Нога перевязана портянкой, из-под которой сочится кровь. Доктор читает историю болезни: «Осколочное ранение груди и ноги. Температура 39,7. Подлежит немедленной операции».

– А почему вы до сих пор молчали, солдат?

– Думал, что у вас больные потяжелее.

– Нога сильно болит?

– Не болит уже. Дайте воды, сестра, – еле выговаривает больной. – И вот письмо, – он достает из нагрудного кармана сложенный лист бумаги. – Пожалуйста, закиньте в ящик. У меня осталась жена с двумя детьми. Думал, выживу...

– Выживешь, солдат. Выживешь, – подбадривает доктор, кивая головой.

– Перенесите на операционный. – Затем обращаясь к Рашиду. – Пальцы синие. Началась газовая и все признаки гангрены. Будем ампутировать. Вот такие дела, братец.

Солдата унесли. Доктор: «Больно на это смотреть, когда человек чувствует приближение смерти»

Солдат умер. Рашид впал в ступор.

– Скажите, почему вы его оперировали, если были уверены, что он все равно умрет?

– Ты не знаешь?

– Нет.

– Запомни, сынок., – начал Петро свой монолог. – Запомни, – он высоко поднял правую руку и поправил накатанный по локоть рукав. – Нет разницы, умрет он или нет. У них одинаковые права. Он был жив и имел право на уход: он не должен был умереть без надежды. Ты понял?

– Да, – твердо произнес Рашид, убеждаясь, что у старика есть свои принципы.

– Теперь, надеюсь, дадут мне отдохнуть, – пророкотал Петро. пошли.

Рашид заметил, как Петро с операционной захватил с собой один шприц и три тубика новокаина. Затем они прошли в маленькую комнату отдыха без окон

– Рашид, поможешь? – Петро попросил сделать укол и подставил руку.

Рашид испугался:

– Зачем вы это делаете, дядя Саша? – недоуменно спросил Рашид. Это большая доза.

Петро стал снимать сапоги.

– Видишь, какие стали ноги – отекающие, а глаза покрасневшие, – пролепетал он. – Я очень устал. Нет сил. Мне надо поспать. Без этого я не смогу уснуть,

Рашид.

– Нет, я не могу этого сделать, дядя Саша – ответил Рашид. – А если не проснетесь. Я буду отвечать за вас.

– Называй меня «Петро» как и все.

– Почему Петро? – с изумлением спросил Рашид.

Я- сирота, – со вздохом проговорил Петро. – Я не смог узнать, кто мой отец, кто моя мать. Поэтому у меня нет отчества. Я привык к этому имени, который мне дал Бурденко.

– А Бурденко, какое имеет отношение к вам?

– Он мой друг и однокурсник, – он полез в шкаф и достал толстую книжку без переплета: «Указания по военно-полевой хирургии». Вслед за книгой из шкафа вывалился оберток с продовольственным пайком. – Видишь, есть, что поесть, а кушать не хочется. Забери паек домой. Эту книгу тоже. Автор Бурденко. Он сейчас главный хирург страны. Хорошо все изложено. Почитай обязательно. Завтра спрошу. Еще я тебя познакомлю с этой девушкой, если хочешь. У нее есть история любви и трагедии. Поэтому она всегда грустная. – Он вытянул ноги на кушетке в маленькой комнатухе под лестницами. – Ладно, я сам сделаю укол – не впервые. До завтра, Рашид.

– Дядя Саша, вы можете объяснить то, что случилось на операции.

Он поднял голову и тупо посмотрел на Рашида.

– Я оперировал.

– Нет, я имею в виду песню.

Он откинул голову и долго молчал.

– Я по шву на животе и под мышкой узнал солдата, которого оперировал в Маньчжурии. А песня эта- марш на сопках Маньчжурии. Эх... – он вздохнул. – Мукден. Тогда в 1905 году 4000 солдат с ружьями без патронов и орудиями без снарядов отстояли позиции против японцев. После рукопашного боя в живых осталось 400. Он – один из них.

Рашид молчал и ждал продолжения.

– Одним из грандиозных сражений той забытой русско-японской войны было сражение под Мукденом, в котором с обеих сторон участвовало более полумиллиона человек и двадцать пять тысяч орудий, – сказал Петро. – Рашид слушал, затаив дыхание, потому что Петро изливал душу. – К началу марта 1905 года дошло до того, что в некоторых подразделениях русской армии закончились боеприпасы, как снаряды для пушек, так и патроны для винтовок. Мокшанский пехотный полк был одним из таких подразделений.

На рассвете серого мартовского дня, когда на востоке едва проступила первая светлая полоска, подгоняемые попутным ветром японцы собрались в наступление на почти безоружных русских.

«Знамя и музыканты – вперед!» – приказал командир полка.

Капельмейстер Илья Шатров вывел музыкантов вперед.

В рукопашном бою стенка на стенку кто может быть беззащитнее знаменосцев и музыкантов? Никто. Но горнист проиграл сигнал, грянул марш, и они увлекли за собой в атаку весь полк.

В том рукопашном бою русским удалось остановить японцев. Из четырех тысяч солдат и офицеров живыми вышли из боя семьсот, а из сорока оркестрантов – семь, считая самого Шатрова, вскоре ставшего автором музыки вальса «На сопках Маньчжурии».

Шатров написал этот вальс в память о павших товарищах и о том, как светлыми летними вечерами, по воскресеньям, в городском саду того небольшого губернского города, куда был прикомандирован их полк, оркестр под его управлением, бывало, играл волшебные венские вальсы. Славные были вечера, незабываемые! Кто знает, наверное, поэтому он и создал именно вальс. Вальс, который живет и здравствует поныне.

– Знамя и музыканты – вперед!

– Сколько было вам лет? – спросил Рашид.

Петро задумался.

– Столько же, сколько и тебе сейчас, но на четыре года больше.

«Откуда он знает мой возраст» – подумал Рашид. – Ах, да. Он изучил мою анкету»

– Вы победили?

– Нет. Россия капитулировала. Тогда командир произнес: « В атаку» и все встали на «Ура». У нас было гнилое руководство и такой же бездарный царь. У Бурденко и у меня был внутренний протест против царизма – ни парламента, ни оппозиции: одна воля царя, который ввергал народ в пучину войн. Нас обоих исключили из института, и мы добровольцами пошли на войну. Вот так вот. Теперь новая война. Будь она проклята.

– До свидания, Петро, – сказал Рашид, тихо закрывая двери и не догадываясь, что следующего свидания с Петро не будет.

Прошло четыре часа, как Рашид вошел в двери госпиталя, и он, покидая его, обратил внимание на стол дежурного – там стояла другая сестра с длинной косой. Он прошел мимо – от усталости и наплыва тяжелых чувств в нем не осталось утреннего задора и пылкой уверенности в себе. Он почувствовал границу между двумя мирами: с одной стороны госпиталь с кровью, стонами, работой хирургов на грани возможного, с другой – гражданский мир, где, правда, нынче серо, но можно пошутить и посмеяться. За четыре часа он повзрослел на четыре года.

Утро следующего дня наступило быстро. Он не успел выспаться, но время показывало восемь часов. Каждый раз, когда смотрел на циферблат часов, он вспоминал старшего брата. Наваждение, которое ему мешало чувствовать в себе уверенность, но он ничего с этим не мог поделать. Часы не снимешь, на время не сможешь не смотреть. Вот так и жил.

Он помчал в институт на лекцию. Сидя на переднем ряду, он плавал во времени. Перед глазами то и дело всплывали картины вчерашнего дня: стоны раненых, хирург Петро, японская война плюс к настоящей войне.... Он вспомнил отца: он встает рано. Наверное, уже выгнал коров и овец на стойло...

Внезапно он почувствовал удар под дых. Он открыл глаза и повел взгляд по кругу. Лектор с мелом в руке застыл за кафедрой, он смотрел на него.

– Что случилось? – в недоумении спросил Рашид, повернувшись к соседу.

– Ты храпел, – с укоризной произнес Нисон, сосед с кучерявыми волосами. – Ты спал.

– Не трогайте Аскерханова, – послышался голос лектора. – Он вчера сильно устал. Четыре часа в госпитале, затем он преподавал в училище.

– Все нормально, – крикнул Рашид, подняв руку. – Я знаю тему лекции, что такое перитонит...

В зале раздалась волна смеха.

Рашид попал в госпиталь к вечеру. Он едва появился в дверях, дежурная- с канапушками на лице, уже другая, выскочила вперед с тревожным взглядом:

– Вы Аскерханов? – громко спросила она. Вопрос содержал в себе нелицеприятную новость.

– Да, а что случилось?

– Вас ищут. Срочно зайдите к главврачу.

В кабинете главврача было много людей, и десятки глаз стали сверлить Рашида, как только он появился в дверях.

– Вот и он, – встрепенулся главврач, прожигая Рашида злобным взглядом – Наконец – то. На Рашида накатило отчаяние. Что я такого сделал вчера! Сердце заколотило.

– Это вы вчера укололи Петро новокаином? – спросил главврач.

– Нет, – сразу ответил Рашид, – не я. А что случилось?

Все переглянулись.

– Я же вам говорила, что он отказался это делать, – вступила в защиту Рашида старшая медсестра, которая, видно, под слушала их разговор.

– Что случилось? – повторил вопрос Рашид, испытывая плохое предчувствие.– Что случилось?

– Петро не проснулся, мой юный друг, – произнес главврач. – Я чувствовал, что он так кончит. Бедный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.